

Въ борьбѣ безумной и неравной
Незнавшей власти надъ собой.

За часъ до горестной кончины,
Когда сырая ночи мгла
На усыпленные долины
Сребристой дымкою легла,
Духовника на мигъ единый
Младая дѣва призвала,
Чтобъ жизни грѣшныя дѣянъя
Открыть съ слезами покаянья.
Пришелъ исповѣдникъ. Но вдругъ
Его безумный хохотъ встрѣтилъ.
Онъ на лицѣ ея замѣтилъ
Бореніе послѣднихъ мукъ.
На предстоящихъ не взирая,
Шептала дѣва молодая:
«О!.. демонъ!.. о, коварный другъ!
Своими сладкими рѣчами...
Ты... бѣдную... заворожилъ...
Ты былъ любимъ и не любилъ,
Ты бѣ могъ спастись, а погубилъ...
Проклятые сверху, врагъ подѣ нами!»
Но кто безжалостный злодѣй,
Губитель дѣвушки прелестной—
Тогда не повялъ старецъ честный,
И жизнь монахини моей
Осталась людямъ неизвѣстной...
Но, говорить, какъ принесли
Къ могилѣ трупъ ея печальный,
И хоръ раздался погребальнымъ,
И горсть прощальная земли
О крышку гроба застучала,
Надъ нимъ, все видѣть то могли,
Тѣнь безпокойная летала.

XII.

Съ тѣхъ поръ промчалось много лѣтъ;
Пустѣла тихая обитель,
И время, общій разрушитель,
Смывало постепенно слѣды
Высокихъ стѣнъ... И храмъ священный
Сталъ жертва бури и дождей.
Изъ двери въ дверь во мглѣ ночей
Блуждаетъ вѣтръ освобожденный;
Внутри на ликахъ расписныхъ
И средь разсѣлинь стѣнъ сѣдыхъ
Большой паукъ, пустынный новый,
Кладетъ сѣтей своихъ основы.
Сбѣгаючи со скалъ крутыхъ,
Случалось, лань, дитя свободы,
Пріютъ отъ зимней непогоды
Искала въ кельѣ—и порой
Забытой утвари паденье.
Среди развалины глухой,
Вдругъ приводило въ удивленье
Ее... Но нынче ничему
Нельзя встревожить тишину:
Что можетъ падать—то упало;
Что мретъ—то умерло давно;
Что живо—то безсмертно стало,
Но время живѣе удержало

Воспоминаніе одно...

И море пѣнится и злится,
И сильно плещетъ, и шумитъ,
Когда волнами устремится
Обнять береговой гранитъ;
Онъ вдался въ море одиноко;
На немъ чернѣетъ крестъ высокій.
Всегда скалой отражена,
Покрыта пѣной бѣлоснѣжной,
Тѣснится у волны волна,
И слышенъ ропотъ ихъ мятежный;
И удаляются толпой,
Другимъ предоставляя бой.

XIII.

Надъ тѣмъ крестомъ, надъ той скалою,
Однажды, утренней порою,
Съ глубокой думою стоялъ
Дитя эдема, ангелъ мирный,
И слезы молча утиралъ
Своей одеждою сапфирной.
И кудри мягкія, какъ ленъ,
Съ главы вѣнчанной упали,
И крылья легкія, какъ сонъ,
За бѣлыми плечыми сіяли.
И былъ небесный сводъ надъ нимъ
Украшенъ радугой цвѣтистой,
И волны съ пѣной серебристой,
Съ какимъ-то трепетомъ живымъ,
Къ скаламъ тѣснились вѣховымъ.
Все было тихо. Взоръ унылый
На небо поднять ангелъ милый,
И съ непонятною тоской
За душу грѣшницы младой
Творцу молился онъ, и мнилось—
Природа вмѣстѣ съ нимъ молилась...

Тогда надъ синей глубиной,
Духъ гордости и отверженія
Безъ цѣли мчался съ быстротой;
Но ни раскаянья, ни мщенія
Не извѣстятъ угрюмый ликъ:
Онъ побѣждать себя привыкъ;
Не для другихъ его мученья!
Онъ близъ могилы промелькнулъ
И, взоръ пронзительный кидая,
Посла потеряннаго рая
Улыбкой горькой упрекнулъ...

Я не для ангеловъ и рая
Всесильнымъ Богомъ сотворенъ;
Но для чего живу, страдая,
Про это больше знаетъ Онъ.

Какъ демонъ мой, я зла избранникъ,
Какъ демонъ, съ гордою душой,
Я межъ людей безпечный странникъ,
Для міра и небесъ чужой.

Прочти, мою съ его судьбою
Воспоминаніемъ сравни,
И вѣрь безжалостной душою,
Что мы на свѣтѣ съ нимъ одни.